

© 2012 г.

Юрий Князев

доктор экономических наук

главный научный сотрудник Института экономики РАН

(e-mail: kyuk 151@rambler.ru)

О ВОЗВРАЩЕНИИ ЭКОНОМИКИ К ЗДРАВОВОМУ СМЫСЛУ

Современный глобальный кризис произошел вследствие забвения хорошо известных положений экономической теории, объясняющих механизмы здоровой рыночной экономики. Показано, что отход от них ради сохранения высоких темпов роста с помощью чрезмерного кредитования закономерно обернулся всеобщей катастрофой. Автор считает главным уроком кризиса осознание необходимости возврата к здоровому смыслу как в теории, так и в хозяйственной практике.

Ключевые слова: глобальный кризис, провалы рынка, чрезмерное кредитование, антикризисные меры, экономика здравого смысла.

Первоначальные основы здоровой экономики. Классическая и неоклассическая теории рыночной экономики исходили из наличия объективных закономерностей, в соответствии с которыми происходит обмен товарами, воздействующий через цены на условия их производства и потребления. Именно это имел в виду А. Смит, говоря о «невидимой руке рынка», которая заставляет участников рыночных отношений, преследующих свои сугубо индивидуальные интересы, подчиняться в процессе всеобщей конкуренции неким совместным правилам, обеспечивающим сведение разнонаправленных действий к общему знаменателю ради достижения нужных для общества целей. Рынок представляет собой бесценный социальный институт, призванный решать общественно важные задачи в экономике посредством саморегулирования. Он обеспечивает обмен товаров с разными потребительными свойствами по их меновой стоимости, денежным выражением которой являются цены, устанавливающиеся и изменяющиеся в зависимости от соотношения между платежеспособным спросом и предложением товаров.

Экономическая теория настаивает на том, что рынок – это эквивалентный обмен стоимостей, в процессе которого лишь выявляется несоответствие реально произведенных затрат их общественно признаваемым величинам, но на нем не создается новая стоимость и тем более не возникает предпринимательская прибыль. Этот объективный механизм уравновешивания разных по качеству и количеству величин функциони-

рует не всегда идеально и сам порождает возможности их искажения в реальной действительности. Он не может предотвратить спекулятивные и мошеннические операции, которые сам рынок не в состоянии распознать и нейтрализовывать, но которые влияют на сбыт и закупки соответствующих товаров, а через них – на производство, распределение и потребление. Очевидно, что скупка спекулянтами значительных объемов продукции, их временное изъятие из торговли с целью последующей продажи по более высоким ценам не просто приносит незаслуженную прибыль конкретным людям, но и влияет, пусть и краткосрочно, на поведение производителей и их инвестиционную политику. Такое же отрицательное воздействие оказывают на рынок и мошенники, подделывающие качество, сортность и сроки годности товаров и подающие неверные сигналы торговым оптовикам и сбытовым подразделениям предприятий. Можно согласиться, что такие действия не приобретают массовый характер, особенно если их вовремя пресекают. Но нельзя также отрицать, что сам по себе рынок не исключает подобных искажений и что ограничить их в состоянии лишь нерыночная сила, каковой чаще всего выступает государство.

Первоначальная конкурентная среда, которую создают многочисленные и примерно равные по мощи товаропроизводители, очень быстро начинает разрушаться по мере их дифференциации и появления более успешных, крупных и влиятельных участников рынка, способных диктовать свою волю другим и избавляться от ненужных конкурентов. Монополизация порождается рынком самым естественным образом и быстро деформирует конкурентную среду, устраняя с помощью монопольных цен (низких и высоких) более мелких и слабых участников рыночных отношений. В отличие от дикой природы, такой естественный отбор не укрепляет, а разрушает конкуренцию, превращая ее в собственную противоположность – диктат более сильных, который подрывает сами основы рыночной экономики. Эта убийственная для рынка опасность была замечена государственной властью, которая для ее предотвращения инициировала сначала антitrustовское законодательство, а затем ввела комплексную систему антимонопольных мер, регулирующих слияние и поглощение компаний, запрещающих картельные сговоры о разделе рынков и манипулирование ценами. Стало очевидно, что для нормальной работы рынка необходимо государственное регулирование, направленное на недопущение присущих ему недостатков («провалов рынка»).

Экономическая наука изначально концентрировалась в основном на проблемах товарного рынка, то есть на уяснении механизма обмена товарами по их стоимостям, на функционировании системы ценообразования и на исследовании тесной взаимосвязи между товарообменом и произ-

водством продукции. По мере заметного повышения доли сферы обслуживания в рыночном обороте необходимое отражение в теории нашла специфика обмена услугами. Неизбежным сегментом рыночных отношений стал также рынок труда, на котором осуществляется распределение наемной рабочей силы и под воздействием предложения и спроса на нее формируется заработная плата. Основополагающим во всей конструкции капиталистического, в отличие от простого, товарного производства является рынок капитала, обеспечивающий перелив денежных средств и материальных ценностей туда, где в данный момент извлекается более высокая норма прибыли. Этот плюрализм важнейших рынков составляет классический каркас рыночной экономики, подчиняющейся железной логике расширенного воспроизводства как людских, так и опредмеченных факторов жизнедеятельности.

Постепенно на совокупном рынке появились помимо товаров, услуг, рабочей силы и капитала другие подлежащие обмену субстанции, а именно деньги, представленные разными валютами, кредитные ресурсы, многочисленные финансовые инструменты в виде ценных бумаг, сначала первичных (облигаций, акций), а затем и вторичных (деривативов), объемы которых постоянно возрастали. Возникли соответствующие самостоятельные рынки, работающие независимо от обмена товарами и услугами: денежно-валютный рынок; рынок ссудных капиталов с коммерческими банками и другими кредитными учреждениями; рынок ценных бумаг, осуществляющий размещение и торговлю акциями, облигациями и денежными инструментами на фондовых биржах либо на внебиржевом рынке; рынок вторичных финансовых услуг и соответствующих инструментов.

Долгое время главную скрипку в функционировании рынка капитала играли банки. Как известно из теории, главные функции банков состоят в аккумуляровании временно свободных денежных средств и вложении их туда, где ощущается их нехватка. Прибыль банков формируется за счет разницы между активными (на выдаваемые кредиты) и пассивными (на привлекаемые депозиты) процентными ставками. С учетом того, что все депозиты практически не могут быть одновременно востребованы вкладчиками, банки безбоязненно могут выдавать кредитов на большую сумму, чем это позволяют привлеченные средства. Пределы такого превышения кредиторской задолженности над дебиторской определялись здравым смыслом банкиров или нормативами центробанков. С другой стороны, заемщики также придерживались правила разумной оценки своих возможностей погашения в срок полученных кредитов вместе с годовыми процентами.

По мере того как кредитование получало все большее распространение, появлялись разные теоретические обоснования полезности заемного

(не депозитного) капитала для успешной деятельности банковского и иного бизнеса. В 1958 г. американские экономисты М. Миллер и Ф. Модильяни подвергли критике традиционный взгляд на корпоративные финансы и сформулировали теорему, согласно которой оптимальная структура капитала и максимальная рыночная стоимость фирмы достигаются при условии привлечения заемных средств, доля которых (долговой коэффициент) не должна снижаться. Впервые было сказано, что задолженность – это благо, и такая уверенность впоследствии только укреплялась.

Отход от здоровых основ кредитования как предтеча кризиса. В предкризисный период у многих экономистов возникла эйфория по поводу позитивной и в чем-то спасительной роли неимоверно разросшегося финансового капитала. Один из французских регуляционистов М. Аглиетта в книге «Завтрашний день капитализма» сформулировал теорию патримониального режима роста, утверждавшую, что финансовый сектор в США достиг таких масштабов, который позволяет говорить о появлении новой модели развития¹. Он отмечал позитивную роль, которую играют в современной социально-экономической жизни фондовый рынок, институциональные инвесторы (пенсионные фонды) и наемные работники, владеющие акциями своих предприятий. Другой французский автор Ф. Лордон утверждал, что именно в сфере финансов находится ключевой элемент новой системы экономического роста, названный им режимом накопления с финансовой доминантой. Он считал, что финансовые механизмы в состоянии навязывать собственную логику всем другим составляющим институциональной системы – отношениям найма, формам конкуренции, организации управления предприятием, самому режиму накопления капитала². Раздавалась и критика таких взглядов. По мнению А. Орлеана, автора книги «Власть финансов», «главной характерной чертой современных экономик является то, что финансы захватили беспрецедентную власть и очутились сегодня в центре самого режима накопления»³.

Нет ничего удивительного в том, что масштабы кредитования постоянно возрастали. По имеющимся оценкам, объем международного кредитования – банковского кредита и облигационных займов – за последние два десятилетия XX века увеличился в 15-20 раз. Но опасность столь обильного использования кредитов и негативное влияние такой практики на состояние экономики многократно возросли после «изобретения» ме-

¹ Aglietta M. Le capitalisme de demain. Paris: Notes de la Fondation Saint-Simon. 1998.

² См.: Соловьев О. Современная теория финансовых рынков: от критики англо-американской системы знаний к регуляционизму и неоклассическому моделированию // Общество и экономика. 2011. № 10. С. 105-106.

³ Orlean A. Le pouvoir de la finance. Paris: Odile Jacob. 1999. P. 214.

ханизмов, облегчающих бремя долгов и откладывающих сроки их погашения с помощью разного рода вторичных ценных бумаг (деривативов). Выпуск таких бумаг фактически не ограничивался финансовыми регуляторами, что приводило к их неимоверному увеличению и произвольному использованию. Накануне глобального кризиса в мире действовало 12 тысяч хедж-фондов, управлявших активами в 2,5 трлн долл. и занимавшихся страхованием долговых рисков (хеджированием). Стоимость выпущенных ими деривативов на финансовых рынках североамериканских стран более чем в 20 раз превышала их совокупный ВВП, в 18 раз – капитализацию рынка акций, в 13 раз – общий объем долговых ценных бумаг¹.

Появилась целая армия посредников, наживавшихся на оказании финансовых услуг реальным участникам рынков. Они не представляли большой опасности до тех пор, пока не превратились в самостоятельную силу, способную влиять на происходящие на рынке процессы исключительно в корыстных интересах. Результатом было деформирование здоровых рыночных критериев соблюдения общего стоимостного баланса кругооборота ценностей, в основе которого лежит непреложный принцип – нельзя распределить больше того, что произведено, а любое произвольное увеличение денежной массы во всех ее видах приводит лишь к перераспределению богатства в ущерб интересам его реальных создателей.

Хорошо известна классическая формула, утверждающая, что оптимальное количество денежной массы прямо пропорционально общему объему товаров и услуг и обратно пропорционально скорости обращения денег. Решения о выпуске дополнительных денежных средств по мере увеличения массы товаров и платных услуг сначала принимали государственные власти, гарантировавшие номинальную стоимость денежных единиц. Затем функции эмиссии денег стали передаваться независимым от правительств центральным банкам с целью недопущения произвольных решений властей об увеличении денежной массы ради достижения своих политических целей, что неизбежно приводило к инфляции, а иногда к гиперинфляции и стагфляции. Центральные банки начали осуществлять более строгий контроль за деятельностью коммерческих банков, которым фактически запрещалось превышать установленные лимиты кредитной эмиссии.

Постепенно этот контроль был ослаблен под предлогом расширения самостоятельности банков, которые получили возможность на свой страх

¹ Соловьев О. Современная теория финансовых рынков: от критики англо-американской системы знаний к регуляционному и неоклассическому моделированию // Общество и экономика. 2011. № 10. С. 101, 107.

и риск привлекать для увеличения кредитного потенциала заемные средства из любых источников. Предполагалось, что все эти средства заработаны честно и являются частью реальных активов. Банки получили возможность выдавать кредиты гораздо большему числу клиентов, однако найти новых выгодных заемщиков было непросто. Возник соблазн снизить прежние строгие требования относительно процентных ставок и сроков погашения кредитов, а главное – уменьшить имущественный залог и другие гарантии платежеспособности клиентов.

О подлинных причинах нынешнего кризиса. Существует много объяснений причин экономических кризисов. Одни ученые связывают их со сменой технологических укладов, другие – с ошибками экономической и социальной политики, третьи – с несовершенством научных воззрений. Все называемые факторы действительно участвуют в подготовке и провоцировании кризисных ситуаций, однако они не объясняют первопричины неожиданного прерывания нормального хода развития и наступления чрезвычайного положения, чреватого большими материальными и духовными потерями. Любой кризис – это реакция рынка на накопление не соответствующих его объективным требованиям явлений субъективного порядка, мешающих нормальной работе рыночного механизма. На рынке действуют самостоятельные, наделенные сознанием и волей, субъекты, преследующие свои интересы и часто нарушающие правила лояльной конкуренции. До поры до времени им удается безнаказанно идти против течения рыночных процессов, извлекая незаслуженную прибыль. Точно так же вопреки рыночным законам может действовать государство, отвергающее рынок как таковой или осуществляющее его чрезмерное регулирование. Если не происходит осознания недопустимости таких действий и не вносятся соответствующие коррективы, то рынок рано или поздно реагирует на «закупорку нормального кровотока» наступлением коллапса всего организма, после чего происходит возрождение рыночного механизма на изначальных принципах его функционирования. Таким способом рынок ставит все на свои места, заставляя всех участников вновь работать по его требованиям.

Поскольку кризис является следствием сознательного или неосознанного нарушения его законов отдельными недобросовестными или заблуждающимися субъектами, существует возможность его предотвращения или смягчения с помощью сознательного же воздействия на неблагоприятный ход развития со стороны мощной и авторитетной силы, каковой стало современное государство, способное устанавливать необходимые всеобщие правила поведения. Конечно, как и любое субъективное действие, государственное регулирование не свободно от ошибок и злоупотреблений, но оно по крайней мере дает шанс избежать коллапса, неизбежного при стихийном

развитии событий. В случае же безуспешности попыток предотвратить надвигающийся кризис и когда он все-таки происходит, государство, как показывает практика, способно своими антикризисными мерами смягчить его последствия и ускорить нормализацию ситуации.

Знание универсального механизма возникновения периодических кризисов в рыночной экономике не освобождает от необходимости уяснения причин, приведших к конкретной кризисной ситуации, что позволяет понять особенности данного кризиса и дает возможность недопущения его повторения в будущем. Переживаемый в настоящее время глобальный финансово-экономический кризис требует выявления специфики очередного сбоя в работе рынка, приведшего к разрушительным последствиям для мировой экономики.

Внешне он проявился как долговой кризис, вызванный недопустимыми нарушениями в функционировании кредитно-банковской системы и рынка ценных бумаг, произошедшими в процессе достижения, казалось бы, благой цели – обеспечения дальнейшего роста экономики, правда, в условиях уже начавшегося превышения стоимостной массы товаров и услуг над реальными возможностями платежеспособного спроса. По своей же глубинной природе и последствиям это был очередной кризис перепроизводства, правда, случившийся в условиях гипертрофированного использования финансов и непомерного увеличения их роли в экономической жизни. Финансовая система настолько оторвалась от реальной экономики, что она перестала ее адекватно обслуживать и вместо содействия развитию превратилась в его тормоз. Порочность этой системы усиливалась постепенно по мере отхода от ее первоначальных здоровых основ.

Ничем не ограничивавшееся стремление банков к расширению кредитной деятельности совпало по времени с желанием производителей поддерживать и увеличивать выпуск потребительских товаров в условиях, когда платежеспособный спрос на них иссякал и уже не мог служить стимулом для дальнейшего роста производства. Взаимная заинтересованность производителей и банков в поддержании потребительской конъюнктуры в условиях начавшегося перепроизводства товаров нашла свое воплощение в расширении практики потребительского и ипотечного кредитования, которая в США и других развитых странах вскоре приобрела массовый характер. При этом стал повсеместно нарушаться непреложный закон, требовавший от банков тщательно следить за платежеспособностью получателей кредитов и выдавать их только тем, кто был в состоянии обслуживать (уплачивать ежегодные проценты) и вовремя погашать свою задолженность.

Гениальная идея продавать товары длительного пользования в кредит позволила продолжать их производство в условиях насыщенного

рынка, расширяя тем самым платежеспособность покупателей. Никакой опасности для воспроизводственного процесса это не представляло до тех пор, пока кредиты выдавались из реально имевшихся в банках кредитных ресурсов и они вовремя возвращались заемщиками назад. Более того, ипотечное кредитование строительства жилья способствовало процветанию не только строительных, но и других смежных отраслей промышленности (мебельной, лако-красочной, электротехнической и др.), ставшими источниками бурного экономического роста. Все было бы хорошо, если бы не был нарушен лимит, предполагающий обязательное соответствие реальных кредитных ресурсов реальным же, а не проблематичным способностям клиентов вовремя эти кредиты погашать. Мода на жизнь в кредит, которой стали следовать буквально все, включая молодых людей, не имевших пока средств к увеличению потребления, сыграла в конце концов злую шутку с теми, кто был не в состоянии вовремя рассчитаться с долгами. Одиночные случаи банкротства должников вполне допустимы, но когда они происходят в массовом порядке, то наступает всеобщая катастрофа.

Вина банков состояла не только в халатности, в нежелании систематически следить за кредитной историей своих клиентов в уверенности, что невозврат до 10% выданных кредитов не нанесет большого ущерба, который к тому же мог быть возмещен за счет роста общего объема кредитной массы. В данном случае каждый банк вредил самому себе и рисковал только собственным капиталом. Но финансовые учреждения для пополнения своих разрастававшихся как снежный ком кредитных ресурсов вынуждены были в свою очередь занимать деньги друг у друга или на специально оформившемся межбанковском кредитном рынке. Денежно-кредитная масса все возрастала и все дальше отходила от разумных пределов ее роста. Почему не сработали защитные сигналы рынка, предупреждающие о нарушении равновесия в кредитной сфере? Помешал этому хорошо известный принцип финансовой пирамиды, которая безбедно функционирует в начальной фазе за счет притока все новых участников и их средств, но неминуемо рушится в конце, погребая под своими обломками тех, кто присоединился к ней на заключительном этапе.

Кризис надвигался постепенно, но неумолимо, по мере того как возникали и укреплялись самостоятельные сегменты ранее единого финансового рынка под влиянием усиливавшегося разделения труда между его участниками, желавшими получить свою долю распределяемого рыночным путем богатства. Сложилась система автономных финансовых рынков, слабо связанных между собой и работающих по своим особым правилам. Взаимодействие и согласование между ними становилось практически невозможным делом, вследствие чего усилилась опасность подрыва

единства совокупного рынка как инструмента саморегулирования экономики и наступления в конце концов неизбежного кризиса.

Продолжавшееся длительное время необоснованное кредитование многих отраслей и видов производства, реальный платежеспособный спрос на продукцию которых падал, приводило к деформированию всей структуры экономики. Производственная сфера получала неверные сигналы от рынка о видимом благополучии со сбытом соответствующей продукции. Это консервировало привычные условия производства, позволяя расширять выпуск фактически неконкурентной продукции и подывая интерес производителей к самосовершенствованию, к выпуску более качественных и одновременно более дешевых товаров. Кроме того, приобретение в кредит дорогой недвижимости и техники давало возможность населению направлять текущие доходы не на сбережения, а на покупку тех товаров, приобретение которых было бы ограничено в обычных условиях реальной покупательной способностью. Именно поэтому крах фиктивного ипотечного и потребительского кредитования создал трудности с реализацией практически любой продукции, сделав частичный кризис перепроизводства всеобщим с резко возросшей безработицей и снизившимися доходами населения.

Иллюзорно было в этих условиях рассчитывать на возможность автоматического достижения равновесия на совокупном рынке, и должное равновесие реально могло установиться только путем саморазрушения всей этой системы, когда она окончательно зашла в тупик. Скорректироваться самостоятельно она была не в состоянии, так как длительное время все, казалось бы, шло хорошо и не поступало очевидных сигналов о назревающих сбоях (таково свойство любой «удачной» финансовой пирамиды). Только аналитическим путем можно было установить порочность внешне нормальных процессов и своевременно принять меры к их пресечению и корректировке. Но, к сожалению, в арсенале экономической науки не было внятных разработок, позволявших отслеживать рыночные процессы в чрезвычайных условиях.

Краh теоретических воззрений предкризисного периода. С наступлением кризиса прежние теории и основанные на них эконометрические модели подверглись жесткой критике в основном за их статичность и оторванность от реальной практики. Наряду с западными экономистами и математиками свои критические замечания все чаще высказывают и российские авторы. Так, А. Мартынов указывает на неадекватность существующих экономических теорий и отмечает, что главная причина этого «заключается в идеальных, а точнее, просто нереальных допущениях, при

которых в соответствии с классической теорией выполняется эффективная аллокация (распределение) ресурсов»¹.

Ссылаясь на то, что теории общего экономического равновесия описывают действие ценового механизма, позволяющее выявлять векторы движения цен товаров и объемов их выпуска, которые уравнивают спрос и предложение на всех рынках, М. Шерстнев уточняет: «Однако, говоря о выводах экономической науки относительно свойств рыночной системы, чаще всего не упоминают, что эти выводы получены не вообще, а именно при определенных условиях»². И далее: «Становится понятно, что механистическая картина рыночной экономики, которая вытекает из теории общего экономического равновесия и современных динамических моделей... вряд ли может служить для концептуального обоснования разумной экономической политики»³. Некоторые авторы ставят вопрос более широко, распространяя на все общество положение о разных закономерностях в различные периоды его развития: «Состояние общества в периоды устойчивости и неустойчивости качественно различается, поэтому закономерности стабильного общества дают сбой в нестабильном. В такие периоды проявляются нелинейные эффекты, когда «малое воздействие» способно дать огромный результат»⁴.

Хотелось бы отметить, что теоретические постулаты, скорее всего, не могли быть иными, так как исходили из идеальных равновесных построений и не учитывали воздействие факторов, нарушавших это равновесие и приводивших к непрогнозируемым последствиям. Многие экономисты и специалисты по финансовой эконометрии ныне возлагают надежды на возможность создания динамических макроэкономических теорий и соответствующих математических моделей поведения участников рынков, которые позволят точнее прогнозировать протекающие в сфере финансов процессы и вовремя выявлять и устранять факторы, ведущие к неизбежным экономическим потрясениям⁵.

Трудно сказать, возможно ли это в принципе с учетом проблематичности использования в формулах огромного количества переменных ве-

¹ Мартынов А. Об обновленной концепции экономической трансформации // Общество и экономика. 2011. № 4-5. С. 13.

² Шерстнев М. Экономическая наука и экономическая политика: влияние мирового экономического кризиса // Общество и экономика. 2011. № 7. С.133.

³ Там же. С. 142.

⁴ Шипова Е. Новый тип государственных кризисов // Мир перемен. 2011. № 4. С. 113.

⁵ См.: Hoover K., Johansen S., Juselius K. The Macroeconometrics of the Cointegrated Vector Autoregression // American Economic Review. 2008. №2; The Financial Crisis and The Systemic Failure of Academic Economics. Kiel: Institute for the World Economy. Working Paper. 2009. N 1489. На русском языке опубликовано в журнале «Вопросы экономики». 2010. № 6. Авторы : Кирман А., Коландер Д., Фельмар Г. и др.

личин и неизвестности конечных результатов протекающих в современной экономике процессов. Во всяком случае необходимо начать с того, чтобы вернуться к традиционным концепциям экономической теории и постоянно проверять соответствие всех современных рыночных новаций непреложным требованиям и законам рынка. Последствия любых рыночных нововведений должны учитываться заранее, чтобы избежать будущих потрясений. В противном случае они проявят себя еще более разрушительным образом при наступлении неизбежного кризиса. Экономика подобно природе безжалостно мстит людям, возомнившим себя хозяевами мироустройства и не желающим считаться с объективными закономерностями, которые грубо напоминают о себе в случае их длительного игнорирования.

Сторонники теории заговоров склонны видеть причину случившегося кризиса в том, что к власти всюду и одновременно пришли люди особого, хищнического склада психики, ввергнувшие мир в катастрофу вследствие неумолимой жажды наживы. Как пишет Ю. Ольсевич, «большинством авторов на авансцену, прямо или косвенно, выдвигается общая причина – психология субъектов рынка и, прежде всего, властвующей элиты»¹. Не отрицая роли психологии людей в их поведении на рынке, следует, однако, сказать, что в нормальных рыночных условиях успешно действуют предприниматели и торговцы любых типов психики, все они смиряют свои психологические наклонности перед лицом неумолимо действующих закономерностей рынка. И если в какие-то периоды на гребне волны оказываются законченные эгоисты, рвачи и хищники, то это происходит не потому, что они дружно сменили альтруистов и филантропов (последние, впрочем, тоже стремятся к получению прибыли в условиях всеобщей конкуренции), а вследствие торжества новой идеологии и изменившихся под ее влиянием условий, востребовавших людей особого склада. Смена элит происходит под влиянием новых задач, встающих перед конкретными странами. А диалектика таких перемен очевидна: этапы спонтанного развития экономики сменяются периодами ее более жесткого регулирования, и наоборот. Это происходит по причине исчерпания преимуществ предыдущего этапа и накопления неразрешимых проблем, для решения которых требуется изменение парадигмы развития.

Впрочем, сам Ю. Ольсевич совершенно правильно излагает новейшую историю США как последовательную смену противоположных по своей направленности этапов: либерального капитализма первых десятилетий XX века, рузвельтовского курса «New Deal», направленного на

¹ Ольсевич Ю. Камо грядеши? Экономическая наука и политика перед фундаментальной неопределенностью рынка // Мир перемен. 2011. №4. С. 101.

борьбу с последствиями Великой депрессии методами экономического дирижизма, господства с середины 70-х годов либертарианских идей и соответствующей практики дерегулирования, что закончилось очередным, на сей раз глобальным, финансово-экономическим, кризисом. Можно, конечно, искать и находить объяснение этих эпохальных перемен в психике людей, чем и должна заниматься наука психология, но любому экономисту ясно, что неолиберализм пришел на смену прежней чрезмерной зарегулированности не потому, что кому-то захотелось еще большей наживы (хотя и это, наверное, имело место), а главным образом оттого, что дерегулирование обещало усиление сдерживавшейся ранее предпринимательской инициативы и ускорение на этой основе экономического роста, что и произошло в действительности в последующие три десятилетия.

Очевидный крах идеологии и практики неолиберализма заставляет основные идейные течения претерпеть неизбежную эволюцию под воздействием новой действительности. На это обратила внимание Е. Шипова в своей статье «Новый тип государственных кризисов»: «Кризис «больших» идеологий – это, в принципе, знак нашего времени. Старые образцы продемонстрировали ограниченность, а готовых новых образцов и готовых решений еще нет. Монетаристская доктрина постепенно изживает себя и в экономической политике, и в социальной. Новая эпоха требует новых идеологий»¹.

Автор указывает на три основных вектора обновления прежних моделей экономики и демократии: 1) модернизация неолиберальной модели в двух противоположных направлениях: а) «возвращение к справедливости», «истинной демократии» и «традиционным ценностям капитализма», которые были «подорваны» сформировавшимся в конце XX в. глобальным мировым порядком и транснациональной бюрократией, «нарушившей» естественную работу мировых рынков тем, что госрасходы стали генератором экономического роста и спрос из частного сектора переместился в государственный; б) усиление надгосударственного глобального регулирования и увеличение полномочий международных институтов, вплоть до создания мирового или надрегиональных правительств; 2) наступление эпохи «нового социализма», основанного на справедливом распределении (перераспределении) богатства как внутри стран, так и между ними, опираясь на объективное усиление роли государства в экономике (национализация, рост бюджетных расходов, планирование и т.д.); 3) «национал-патриотизм», или «новый национализм», который набирает силу на фоне регионализации рынков и объективного усиления роли национальных правительств и который во главу угла ставит внут-

¹Шипова Е. Новый тип государственных кризисов // Мир перемен. 2011. № 4. С. 122.

ренные факторы развития стран (внутренний рынок, конкурентные преимущества, человеческий капитал), позволяющие удержать вектор развития даже при негативных колебаниях глобальной конъюнктуры¹.

К этому следует добавить, что неолиберализм не сдает своих позиций и пытается обратить в свою пользу факт возросших государственных долгов и бюджетных дефицитов, обвиняя власти в чрезмерном увлечении дорогими общественными проектами и проведении вольготной социальной политики. Действительно, в кризисный период пришлось существенно сокращать государственные расходы, но их неподъемные размеры были следствием не столько желания властей во что бы то ни стало облагодетельствовать свой народ, сколько стремления не отстать от банков, корпораций и индивидуальных потребителей в их всеобщей жажде воспользоваться «халявными» заимствованиями для удовлетворения своих текущих нужд.

Спасительная миссия антикризисных мер. В практическом плане в разных странах и во всем мире принимаются меры по наведению порядка в финансовой сфере как неременного условия выхода из кризиса и недопущения подобных потрясений в будущем.

Хорошо понимая, что кризис был во многом спровоцирован несовершенством и ошибками финансового механизма, власти США со всей серьезностью приступили к извлечению уроков и устранению обнаружившихся недостатков. Оперативно был принят ряд решений системного порядка. Упорядочена работа рейтинговых агентств, допуская серьезных промахи при оценке компаний. Федеральная резервная система получила право надзора не только за коммерческими банками, но и за крупными финансовыми корпорациями. Был усилен контроль за рынком финансовых услуг, за его участниками и применяющимися инструментами. В июле 2010 г. был принят предложенный президентом Б. Обамой обширный Закон о регулировании финансовой сферы, содержащий более 2000 страниц. Аналогичные меры приняты и в крупнейших европейских странах.

В произнесенном 24 января 2012 г. ежегодном послании американского президента Б. Обамы «О положении в стране» поведение американских финансистов в кризис было названо безрассудным и предложены меры по смягчению имущественного неравенства в обществе (льготы по выплате ипотечных кредитов, повышение налогов с доходов свыше 1 млн долл.). Не менее безрассудным можно считать и постоянное увеличение государственного долга США, объем которого в январе 2012 г. достиг 15 триллионов 230 млрд долл.

¹ См. там же. С. 122-123.

Насколько захватывающим было желание воспользоваться благоприятной кредитной конъюнктурой в мире для решения текущих проблем показывает факт бурного роста за последние годы внешней задолженности подавляющего большинства государств. С приходом кризиса началась непрерывная полоса балансирования на грани дефолта все большего числа стран, начиная с Исландии, Латвии и Венгрии и заканчивая США (где внешний долг составил 83,2% ВВП), Канадой (81,6% ВВП) и Японией (217,6% ВВП)¹. В Европе положение поначалу не казалось катастрофическим, хотя ведущие государства Евросоюза имели в 2009 г. не меньшую внешнюю задолженность по отношению к ВВП: Великобритания – 68,2%, Германия – 72,5%, Франция – 77,4%, Италия – 115,8%. Ситуация резко осложнилась после того, как неспособность обслуживать иностранные долги привела в преддефолтное состояние сначала Грецию, поставив вопрос о ее возможном выходе из зоны евро, а затем Испанию, Португалию и Италию.

В европейских странах и в США, где существенно вырос государственный долг, стали реализовываться меры по сокращению государственных расходов, что привело к массовым протестам граждан, благосостояние которых во многом зависит от размеров таких расходов. При этом вопросы повышения налогообложения бизнеса практически не обсуждаются, чтобы не «спугнуть» начавшееся восстановление экономики.

Спасением от банкротства Греции вынуждены были заняться все члены еврозоны ради сохранения своей коллективной валюты. Этой стране уже обещано свыше 150 млрд евро, необходимых для рефинансирования задолженности. Банки Франции, Германии и других стран вынуждены пойти на списание половины греческих долгов под угрозой потери всех их долговых претензий к Греции в случае ее официального дефолта. Наглядно было продемонстрировано, сколь высока цена бездумного, авантюристического залезания в долги не только для самой страны – должника, вынужденной вводить режим строгой экономии и сталкиваться с агрессивным недовольством широких масс населения, но и для ее партнеров по интеграции, само существование которой может быть поставлено под угрозу в случае неспособности найти адекватное решение долговых проблем.

¹ Каширин С. Проблемы внешних заимствований страны: российская ситуация и международный опыт // Общество и экономика. 2011. № 4-5. С. 62.

Убаюканные до этого благостной конъюнктурой, власти Евросоюза потеряли бдительность и перестали следить за соблюдением строгих маастрихтских критериев, установленных для кандидатов на вступление в ЕС. Оказавшись в Евросоюзе, новые его члены посчитали себя больше не связанными ограничением государственного долга шестьюдесятью процентами ВВП, а у Европейской комиссии не было соответствующего механизма контроля за этим важнейшим показателем. В целях предотвращения неконтролируемой задолженности и ограничения бюджетного дефицита своих членов руководство Евросоюза решило пойти на обязательное одобрение Брюсселем их ежегодных бюджетов и налоговой политики. Утвержденный в конце января 2012 г. на саммите ЕС «бюджетный пакт» означает дальнейшее ограничение государственного суверенитета и потому вызывает неоднозначное отношение стран – членов, две из которых (Великобритания и Чехия) отказались его подписать.

Меры по борьбе с кризисом принимаются и на более широком международном уровне. Проведено несколько саммитов двадцати крупнейших стран мира, на которых высказывались и принимались радикальные предложения о реорганизации финансовой системы. 12 сентября 2010 г. Банк международных расчетов ввел новую систему всеобщего банковского регулирования, известную как «Базель-3». Ее суть – ужесточение ряда требований к банкам, прежде всего к величине их капиталов первого уровня и к обеспечению ликвидности. Эти требования носят отложенный на несколько лет характер и должны полностью выполняться банками с 2019 г. Европейским банкам, чтобы полностью выполнить новые требования, потребуется привлечь дополнительно около 1,1 трлн евро базового капитала, на 1,3 трлн евро нарастить ресурсы краткосрочной (до трех месяцев) ликвидности и примерно на 2,3 трлн евро – долгосрочной (до одного года) ликвидности. Это серьезная нагрузка на банки: потребность в дополнительном капитале доходит до 60% от стоимости всего европейского и американского капитала первого уровня, а разрыв ликвидности составляет примерно 50% от стоимости всех краткосрочных активов. Очевидно, что примерно в таких размерах подорожают банковские услуги, а прибыльность (рентабельность) банков существенно снизится. Обсуждаются и предложения по внесению пруденциального («из осторожности») надзора применительно к деятельности крупнейших финансовых неправительственных организаций.

Эти и другие возможные последствия «Базеля-3» заставляют банки весьма критически относиться к предложенным изменениям. Позицию банковского сообщества отразили В. Кургузов и П. Кравченко в статье

«Базель-3»: реальные банковские реформы или очередные имитации?», выразившие сомнения относительно реалистичности принятых мер, но не отрицающие их позитивную роль для упорядочения работы банков: «Реформа «Базеля-3», как и предыдущие две («Базель-1» и «Базель-2»), скорее имитирует свою адекватность по отношению к вызовам злобы дня, в частности вызовам текущего кризиса, но вместе с тем реально отвечает на фактические требования упорядочивания и ужесточения ряда форм и методов банковского контроля, без чего сама современная банковская система может рухнуть»¹.

Так или иначе, «Базель-3» разработан именно под влиянием кризиса и преследует цель скорректировать поведение банков, которое во многом содействовало его наступлению. Предложенные меры направлены на ограничение фиктивного банковского капитала путем повышения его реальных активов и текущей ликвидности и на усиление контроля за банками с тем, чтобы они впредь занимались не спекулятивными операциями, а выполняли свои классические функции – аккумулировали свободные средства и вкладывали их в реальный бизнес. Будет ли это имитацией или настоящей борьбой за оздоровление банковской системы – покажет время. Во всяком случае нельзя не согласиться с авторами процитированной статьи, что без назревшего реформирования «сама современная банковская система может рухнуть». Спасенные экстренными финансовыми вливаниями правительств ведущих стран, которые не желали цепной реакции банкротств и развала всей финансовой «кровеносной системы», банки должны изменить принципы своего функционирования и стать не генераторами кредитной безответственности, а, наоборот, столпами финансовой умеренности и стабильности.

Наряду с поддержкой мер по более строгому регулированию финансовой сферы все чаще стали появляться возражения против такого подхода. Так, в статье В. Тамбовцева «Финансовый кризис и перспективы глобального регулирования» ставится под вопрос обоснованность усиления регулирования с точки зрения экономической теории². Автор считает, что регулирование финансовых рынков *ex ante* не имеет смысла из-за возможности чрезмерного сдерживания инициативы их участников и поэто-

¹ Кургузов В., Кравченко П. «Базель-3»: реальные банковские реформы или очередные имитации? // Общество и экономика. 2011. №3. С. 158.

² Тамбовцев В. Финансовый кризис и перспективы глобального регулирования // Вопросы экономики. 2011. № 8. С. 98.

му целесообразнее ужесточать возмещение уже нанесенного ущерба вследствие нарушения установленных правил: «... Полезно применять правило строгой ответственности, распространив ее *на все имущество* финансовых игроков, безотносительно к организационно-правовой форме учреждений (включая общества с ограниченной ответственностью. – Ю.К.), в которых они работают»¹. Такое противопоставление предварительного регулирования и последующего наказания за невыполнение правил вряд ли продуктивно, так как одна лишь строгая имущественная ответственность приводит в кризисные периоды к массовым банкротствам и разорению собственников, чего можно избежать только заблаговременным изменением правил, побуждающим к более осторожному и общественно приемлемому поведению рыночных субъектов.

Возврат к здравому смыслу. Среди причин кризиса часто называют возникшее после его начала массовое недоверие к финансовым институтам, предопределившее экономический спад. Однако при этом забывают, что в предкризисный период имело место скорее злоупотребление слишком большим доверием заемщиков и многочисленных игроков финансовых рынков. Само слово «кредит» означает доверие, и предоставляющий его банк изначально верит тому, что выданный кредит будет возвращен вовремя и с начисленными процентами. Точно так же заемщик, получающий новый кредит с целью рефинансирования своей задолженности, должен быть уверен в своей кредитоспособности. Но кредитная система перестает нормально работать, если кредиты начинают выдаваться без должной оценки кредитоспособности как банков, так и их клиентов. Это и произошло в предшествовавший кризису период, когда объем взаимного перекредитования рос как снежный ком, что не могло не закончиться крахом этой кредитной пирамиды. Вопрос лишь в том, каковы были причины этого сбоя.

Если исключить злой умысел всех участников этой цепочки, то единственным объяснением может быть их слепое следование сложившейся системе заимствования, когда жить в долг стало модно и, как показывала многолетняя практика и объяснявшая ее теория, совершенно безопасно. А ведь это было явным нарушением рыночных законов, обеспечивающих обмен реальных стоимостей, но никак не фиктивных ценностей в виде виртуального банковского капитала и ничем не обеспеченных вторичных «ценных» бумаг (опционов, фьючерсов, свопов, депозитарных

¹ Там же. С. 102.

расписок и др.), якобы позволявших относить оплату долгов на неопределенное будущее при посредничестве хедж-фондов и других никому не подконтрольных учреждений и девальвировавших таким образом реальные активы (акции, облигации, валюту, имущество).

Масло в огонь разгоравшегося кризиса подливали многочисленные финансовые посредники, которые занимались страхованием, хеджированием долговых обязательств, скупая и перепродавая их по более низким ценам и тем самым создавая иллюзию погашения долгов, которые на самом деле никуда не девались, а лишь временно продлевались сроки их оплаты. Клубок взаимной задолженности все увеличивался, потери от такого рефинансирования долгов множились, приближая всех участников этой цепочки к неминуемой неликвидности. Хедж-фонды и выпускаемые ими вторичные ценные бумаги (деривативы) сыграли роковую роль и стали предметом острой критики в посткризисный период. Критике были подвергнуты и рейтинговые агентства, недобросовестно выполнявшие свою роль и вводившие в заблуждение клиентов излишне оптимистическими оценками состояния дел в компаниях, банках и других финансовых организациях. Немало было случаев явного мошенничества и коррупции, но главным пороком деятельности рейтинговых агентств и хедж-фондов была их непоколебимая уверенность в безопасности и полезности обслуживаемой ими системы финансового благоденствия, основанного на всеобщих заимствованиях, кредитовании и многоступенчатом перекредитовании должников.

Эту уверенность всячески поддерживала неолиберальная экономическая теория, поощрявшая легкомысленное поведение финансистов и снабжавшая их наукообразными моделями и формулами якобы оптимального поведения на рынке, которые обещали немалую и быструю спекулятивную прибыль, но почему-то не предвидели неизбежного грустного конца. Такое поведение базировалось на беспардонном игнорировании основополагающих закономерностей рыночной экономики, не признающей фиктивных ценностей и требующей вовремя от них избавляться, возвращаясь к системе реальных величин. Складывается впечатление, что все оказались под действием самогипноза и перестали руководствоваться здравым смыслом, постоянно предупреждающим о невозможности вечно жить в долг, не задумываясь о неизбежной расплате. Индивиды и компании, конечно, могут поддаться чувству успокоенности, после того как они временно решили свои долговые проблемы благодаря постоянной возможности вновь занимать деньги на обильном и дешевом кредитном рынке, но тем, кто профессионально занимается макроэкономикой, непо-

зволительно не видеть дальше своего носа и закрывать глаза на грядущий бесславный итог, казалось бы, благоприятного развития, но основанного на дутых финансовых величинах и при сохранении тенденции к их еще большему раздуванию. Вернуться к нормальному развитию можно было только после крушения всей этой системы фиктивного финансирования экономического роста, что и произошло в период глобального кризиса.

Осознание ошибочности непомерного использования кредитования для ускорения экономического роста не означает, что такая практика впредь будет решительно ограничиваться. Привычка и соблазн жить в долг не исчезнут, и возвращение к чрезмерному заимствованию после пережитого шока вполне возможно. Это тем более вероятно, что, как оказалось, чисто рыночным путем нельзя определить ту грань, которую здоровая экономика не должна переходить. Этот очередной «провал рынка» можно предотвратить только сознательным регулированием со стороны государственных органов, опираясь на классические условия рыночного равновесия и экспертную оценку безопасности отступления от них с учетом современных плюралистических возможностей влияния на кредитно-денежную политику. Это очень сложная многофакторная задача, но без ее решения невозможно будет устранить угрозу периодического «вползания» в очередной кризис. Очевидно, что в нынешних усложнившихся условиях расширенного воспроизводства как в рамках национальных экономик, так и в особенности в глобализированном мире уже известные рыночные закономерности действуют в модифицированном виде и их механизмы еще предстоит открыть. Это серьезный вызов для современной экономической науки.

Что же касается дальнейших перспектив, то ситуация выглядит довольно пессимистичной. Аналитики не исключают наступления новой волны кризиса или же длительного периода стагнации по образцу Великой депрессии 30-х годов прошлого века. Во всяком случае пока не просматриваются реальные возможности возобновления стабильного роста. Прежний способ искусственного «подстегивания» производства и потребления с помощью потребительского и ипотечного кредитования себя исчерпал и сильно дискредитирован. Другого аналогичного способа пока не придумано. Более того, мир еще длительное время будет избавляться от «завалов», созданных лопнувшими финансовыми пузырями и рухнувшими пирамидами. Взаимная задолженность банков и многочисленных фондов никуда не делась, а лишь временно ослаблена солидными вливаниями государственных средств. Перейти к нормальной работе им будет долго мешать необходимость погашения старых и новых долгов и требо-

вания «Базеля-3» о существенном наращивании собственного капитала. А без обильного банковского кредитования не сможет активизироваться реальный бизнес, который и без того страдает от сужения платежеспособного спроса и высокой безработицы.

Серьезно сузились также возможности стимулирования хозяйственного развития со стороны государств и международных фондов, которые сейчас заняты в основном решением долговых проблем и спасением пошатнувшихся мировых валют. Национальные экономики большинства стран должны будут работать в основном на возврат государственных и корпоративных долгов и проводить политику строгой экономии бюджетных средств, ограничивая потребление населения и сталкиваясь с его недовольством и серьезными политическими проблемами. Короче говоря, замедление темпов экономического роста неизбежно при переходе от вольготного расточительства к благоразумному самоограничению под добрым старым девизом «нужно жить по средствам».

В условиях наступившей нестабильности сильно ограничиваются и внешнеэкономические возможности роста. Даже малые страны осознали опасность ориентации только на экспорт и изыскивают резервы для расширения внутреннего рынка. Соответственно меняется стратегия экономического и социального развития в направлении большей опоры на собственные силы. Это еще одно негативное последствие провала безрассудного курса, возобладавшего в теории и практике глобализации, и одновременно предупреждение против авантюризма и забвения общих интересов в угоду неутолимой алчности немногих. Мир действительно един, и стабильность в нем должна стать непреложной ценностью.
